

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФРЕД ХОЙЛ

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-44
Х70

Серия «Фантастика: классика и современность»

Fred Hoyle
THE BLACK CLOUD

Перевод с английского *Н. Нестеровой*

Дизайн и иллюстрация *В. Половцева*

The author has asserted his moral rights. All rights reserved.

Печатается с разрешения Penguin Books Ltd.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хойл, Фред.

Х70 Черное облако : [роман] / Фред Хойл ; [перевод с английского Н. Нестеровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-139554-4

Январь 1964 года. В процессе стандартного сканирования неба на горе Паломар в Калифорнии астроном замечает странное черное пятно, закрывающее звезды. Дальнейшее наблюдение за неопознанным объектом приносит неутешительные новости: газобразное скопление неизвестного состава с огромной скоростью движется к Солнцу. Информацию тщательно скрывают от населения, но на уровне руководства международного сообщества идет напряженная работа. Группа ученых из разных стран собирается в английском местечке Нортонстоу, чтобы оценить риски и разработать план спасения планеты от космической угрозы.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-44

© Fred Hoyle, 2019
© Перевод. Н. Нестерова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я надеюсь, что мои коллеги-ученые получат удовольствие от этой веселой проделки. Ведь в конечном итоге почти все, описанное здесь, вполне могло произойти в реальности.

Поскольку в романе упомянуты официальные должности, мне хотелось бы особенно подчеркнуть, что персонажи, их занимающие, не имеют никакого отношения к людям, которые в действительности на этих постах находятся.

Существует распространенное мнение, что автор вкладывает в уста героев свою точку зрения. Рискую прослыть банальным, хочу заметить, что данное утверждение порой оказывается совершенно безосновательным.

Ф. Х.

ПРОЛОГ

История с Черным Облаком всегда вызывала у меня чрезвычайный интерес. Я коснулся некоторых аспектов этого грандиозного события в своей диссертации, благодаря которой стал членом Королевского колледжа в Кембридже. Позднее ее переработали и, к моему большому удовольствию, опубликовали в качестве одной из глав в книге сэра Генри Клейтона «История Черного Облака».

И поэтому нет ничего удивительного в том, что сэр Джон Макнил, покойный почетный член нашего колледжа и заслуженный врач, завещал мне обширный архив документов, в которых раскрывался его личный опыт взаимодействия с Облаком. Намного больше меня удивило сопроводительное письмо, имевшее следующее содержание:

*В Королевский колледж,
19 августа 2020*

Мой дорогой Блайт!

Полагаю, Вы простите старика за то, что он иногда посмеивался себе под нос над Вашими рассуждениями о Черном Облаке. Так случилось, что во время того кризиса у меня появилась возможность узнать об истинной природе Облака. По ряду веских причин эта информация

так и не была обнародована и, кажется, осталась неизвестна тем авторам, которые придерживаются официальных версий. Меня сильно мучил вопрос, должны ли мои знания умереть вместе со мной. В результате я решил поделиться своими затруднениями и сомнениями с Вами. Полагаю, многое для Вас прояснится после того, как Вы прочтете мою рукопись, которую я, к слову сказать, написал от третьего лица, чтобы не перетягивать большую часть внимания на свою особу.

Помимо рукописи я оставляю Вам конверт, в котором находится рулон бумажной перфоленты. Умоляю Вас, берегите эту ленту, пока не поймете всю ее значимость.

*Искренне Ваш,
Джон Макнил*

НАЧАЛО

Это случилось в восемь часов утра по Гринвичскому меридиану. В Англии 7 января 1964 года зимнее солнце только-только поднималось над горизонтом. Повсюду люди дрожали от холода в своих плохо отапливаемых домах, читая утренние газеты, завтракая и жалуясь на погоду, которая, по правде говоря, в последнее время выдалась просто ужасной.

Гринвичский меридиан протягивается на юг через западную Францию, заснеженные Пиренеи и восточную оконечность Испании. Затем линия проходит через западную часть Балеарских островов, где умные северяне предпочитали проводить зимний отпуск — на пляже Менорки можно было увидеть смеющиеся компании, возвращающиеся после утреннего купания. Затем он проходит через Северную Африку и Сахару.

Нулевой меридиан направляется к экватору через Французский Судан, Ашанти и Золотой Берег, где вдоль реки Вольта возводятся новые алюминиевые заводы. А затем через безбрежный океан — до самой Антарктиды. Здесь тесно сотрудничают экспедиции из дюжины разных стран.

Все страны к востоку от этой линии до самой Новой Зеландии были обращены к Солнцу. Над Австралией сгущались сумерки. В Сиднее на поле для крикета появились длинные тени. До конца матча между командами Нового Южного Уэльса и Квинсленда оставалось всего несколько подач. На Яве рыбаки готовились к предстоящей ночной работе.

Почти над всеми просторами Тихого океана, над Америкой и Атлантикой стояла ночь. В Нью-Йорке пробило три часа. Город сиял огнями, а движение оставалось оживленным, несмотря на недавно выпавший снег и холодный северо-западный ветер. И кажется, нигде в тот момент жизнь не бурлила с такой же силой, как в Лос-Анджелесе. Время близилось к полуночи, но по бульварам гуляли толпы людей, по шоссе мчались автомобили, а рестораны были все еще полны посетителей.

В ста двадцати милях к югу, на горе Паломар, астрономы уже вышли в ночную смену. Погода стояла ясная, и звезды сверкали от горизонта до зенита, однако, с точки зрения профессиональных астрономов, условия для работы выдались неблагоприятными — из-за сильного ветра на большой высоте сохранялась плохая видимость. Поэтому все без сожаления оставили свои приборы ради полуночного перекуса. Еще в начале вечера, когда перспективы ночной работы казались весьма сомнительными, они договорились встретиться под куполом у 48-дюймового Шмидта.

Пол Роджерс преодолел расстояние примерно в четыреста ярдов от своего 200-дюймового телескопа до Шмидта и увидел, что Берт Эмерсон уже наворачивает суп из тарелки. А ночные ассистенты Энди и Джим разогревают еду на плите.

— Вы извините, что я завожу этот разговор, — сказал Эмерсон, — но, похоже, сегодня поработать не удастся.

Эмерсон занимался специальными наблюдениями, требовавшими прекрасных погодных условий.

— А вы везунчик, Берт. Кажется, опять закончите работу пораньше.

— Я еще подожду часик-другой. Если ничего не изменится, лягу спать.

— Суп, хлеб с джемом, сардины и кофе, — сказал Энди. — Что будете?

— Тарелку супа и кружку кофе. И спасибо, — ответил Роджерс.

— А вы что собираетесь делать на своем 200-дюймовом? Подключите вечно трясущуюся камеру?

— Да, сегодня, думаю, у меня все получится. Хочу сделать несколько снимков.

Их беседа прервалась с появлением Кнута Йенсена, который пришел от 18-дюймового Шмидта, находившегося в отдалении от них.

— Здравствуйтесь, Кнут, — поприветствовал его Эмерсон, — есть суп, хлеб с джемом и сардины, а Энди приготовит кофе.

— Если не возражаете, я начну с супа и сардин.

Молодой норвежец, любивший устраивать разные розыгрыши, взял тарелку с томатным супом-пюре и бросил туда с полдюжины сардин. Остальные в изумлении уставились на него.

— Надо же как проголодался, — заметил Джим.

Кнут с удивлением оторвал взгляд от своей тарелки.

— Вы не едите так сардины? Ха, в таком случае вы вообще не знаете, как их надо есть! Попробуйте,

вам понравится! — А затем, чтобы добиться еще большего комического эффекта, добавил: — Кстати, пока я сюда шел, мне показалось, что здесь пахнет скунсом.

— Или той бурдой, которую вы собрались есть, — заметил Роджерс.

Когда смех стих, Джим спросил:

— Слыхали про скунса, который забрел к нам пару недель назад? Он устроил газовую атаку рядом с воздухоборником 200-дюймового телескопа. И прежде чем его отключили, тут все насквозь провоняло. А в это время под куполом находилось чуть ли не двести посетителей.

— Нам повезло, что мы не берем денег за входные билеты, — усмехнулся Эмерсон, — иначе разошлись бы им все это компенсировать.

— А вот тем, кто занимается чисткой одежды, повезло намного меньше, — добавил Роджерс.

По дороге к 18-дюймовому Шмидту Йенсен остановился и прислушался к шуму ветра в деревьях, произраставших на северных склонах гор. Они напоминали его родные холмы, и это вызывало у него неумолимую тоску по дому, желание снова оказаться с семьей, с Гретой. В свои двадцать четыре года Йенсен приехал в Соединенные Штаты для обучения в аспирантуре.

Он пошел дальше к своему телескопу, пытаясь убедить себя, что все эти чувства просто смешны. С рациональной точки зрения у него не было никаких причин для упаднических настроений. Все относилось к нему по-доброму, ему поручили работу, идеально подходившую для новичка.

Астрономия благосклонна к тем, кто только начинает свой путь в этой науке. Даже не имея значи-

тельного опыта, здесь можно добиться важных результатов в различных направлениях деятельности. Йенсен как раз относился к этой категории. Он занимался поиском новых звезд, которые взрывались с невероятной силой. В течение следующего года он имел все основания надеяться, что одну или даже две такие звезды ему удастся найти. Предугадать, когда именно произойдет вспышка новой, невозможно, как нельзя сказать, в каком месте на небе взорвется звезда, поэтому ему приходилось ночь за ночью, месяц за месяцем фотографировать все небо. Однажды ему повезет. Если же он отыщет новую не слишком далеко в глубинах космоса, тогда за дело возьмутся более опытные руки. Вместо 18-дюймового Шмидта изучать поразительные секреты этих странных звезд начнет уже огромный 200-дюймовый телескоп. Но в любом случае первооткрывателем будут считать именно Йенсена. К тому же тот опыт, который он получит в самой знаменитой обсерватории мира, пригодится ему после возвращения домой — у него будут все шансы найти хорошую работу. Тогда они с Гретой смогут пожениться. Так из-за чего же переживать? Он отругал себя за то, что так глупо разволновался из-за шума деревьев на склоне горы.

К тому времени Йенсен уже добрался до павильона, где стоял его маленький 18-дюймовый Шмидт. Войдя внутрь, первым делом заглянул в записную книжку, чтобы выяснить, какой участок неба придется фотографировать дальше. Затем направил телескоп в нужную сторону — немного южнее созвездия Ориона. Эту область можно было увидеть только в середине зимы. Далее следовало настроить выдержку. После этого оставалось только сидеть

в темноте, ждать и думать обо всем, что придет в голову, пока звонок будильника не возвестит о завершении съемки.

До рассвета Йенсен делал один снимок за другим. Но после этого его работа не заканчивалась. Ему еще предстояло проявить фотопластинки, которые накопились за ночь. Здесь требовалась особая внимательность. Из-за малейшей ошибки многочасовой труд мог пойти насмарку.

Как правило, он не сразу приступал к этому завершающему и наиболее трудоемкому этапу. Обычно он уходил в общежитие, спал часов пять или шесть, в полдень завтракал и лишь после этого начинал заниматься проявкой. Его нынешний этап работы подходил к концу. Теперь по вечерам всходила луна, а значит, придется прекратить наблюдения на две недели. Невозможно заниматься поисками новой звезды в ту половину месяца, когда в ночном небе светит луна — она сияла так ярко, что чувствительные пластины, которыми он пользовался, оказались бы безнадежно засвечены.

Поэтому в тот день Йенсен собирался вернуться в администрацию обсерватории, находившуюся в 125 милях от них, в Пасадине. Служебный транспорт в Пасадину уезжал в половине двенадцатого дня, до этого времени нужно было проявить все снимки. Йенсен решил, что лучше сразу заняться этим делом. Потом он поспит четыре часа, быстро позавтракает и будет готов к поездке в город.

Все получилось именно так, как он и планировал, и в тот день в специальном транспорте обсерватории, направлявшемся на север, ехал сильно уставший молодой человек. Всего в салоне их оказалось

трое: шофер, Роджерс и Йенсен. Эмерсону оставалось отработать еще две ночи. Друзья Йенсена в ветреной заснеженной Норвегии сильно удивились бы, узнав, что он спал в машине, пока та летит через бесконечные заросли апельсиновых деревьев.

На следующее утро Йенсен встал поздно и явился в администрацию обсерватории только к одиннадцати часам. В течение следующей недели ему предстояло изучить снимки, которые он сделал за прошедшие полмесяца. В частности, он должен был сравнить последние фотографии с теми, которые сделал в прошлом месяце. И таким образом следовало рассмотреть по отдельности все участки неба.

Поэтому ближе к полудню 8 января 1964 года Йенсен спустился в подвал здания обсерватории и принялся настраивать прибор, который называли «мигун». Само это прозвище говорило о том, что устройство позволяло Йенсену сначала посмотреть на один снимок, затем — на другой, после чего снова вернуться к первому, и проделать все это достаточно быстро. В результате все звезды, которые значительным образом изменились за промежуток времени между двумя снимками, выделятся как осциллирующие, или «мигающие», световые пятна, в то время как большинство других, неизменившихся звезд останутся как бы неподвижными. Такой метод позволял относительно легко выделить из десятка тысяч звезд ту единственную, с которой произошли изменения, избавляя от необходимости проводить колоссальную работу по изучению каждой звезды в отдельности.

Подготовка снимков к использованию в «мигуне» требовала большой тщательности. Снимать требова-

лось не только на одном и том же фотоаппарате, но и в одинаковых условиях. Приходилось устанавливать одну и ту же выдержку и, по возможности, проявлять одним и тем же методом, насколько это было по силам астроному-наблюдателю. Поэтому Йенсен старался быть особенно аккуратным при установке выдержки и проявлении снимков.

Сложность заключалась в том, что перемены происходили не только со взрывающимися звездами. Хотя большинство звезд не менялись вовсе, существовало несколько разновидностей осциллирующих звезд, которые «мигали» как раз подобным образом. Поэтому все такие звезды требовалось проверить и впоследствии исключить из поиска. Йенсен приблизительно подсчитал, что ему, возможно, придется изучить и исключить около десятка тысяч обычных осциллирующих звезд прежде, чем он отыщет новую. В большинстве случаев он отвергал такую «мигающую» звезду после быстрого изучения, но некоторые случаи вызывали сомнения. И тогда Йенсен обращался к каталогу звезд, а для этого ему нужно было определить расположение каждой интересующей его звезды. Таким образом, ему предстояло много утомительной работы, чтобы разобраться со всеми снимками.

К 14 января Йенсен уже почти закончил всю пачку и вечером принял решение вернуться в обсерваторию. День он провел в Калифорнийском технологическом институте, где проводили интересный семинар на тему спиральных рукавов галактик. После семинара развернулась настоящая дискуссия. Они с друзьями продолжили спорить во время обеда и на обратном пути в обсерваторию. Йенсен собирался